

Ирина ШЕВЕЛЁВА

Книга национального бытия

Прозрения для Устинова — сами собой разумеющиеся приметы истинного поэта. Прозрения вспыхивают одно за другим:

«Я следил из дозорной травы, как Мамаем пехоту надвинут генуэзцы на земли Москвы»

«Я окуная в древною тоску широких глаз, распахнутых углом к вискам — как будто вымахнул крыльями орёл над азиатской твердью ску!»

«И в дым листы вошло средневековье. Как нёс, хрипл заржавленный засов. И стены пахли плесенью и кровью. И пахла дыба болью голосов»

Азартно шумит площадь, заполненная смотрящими на казнь, раскрывающая и жестокую сущность любви: «...но там и ты! И ты пришла туда!». Трепещет полотно бытия человеческого, выхватывая из спирально скрученных событий, мировых эпизодов живые, центральные в течении времен лица.

Дар поэта — рисовать. Выдыхать в родном образе обширные картины исторических эпох; новгородскую крестьянку, родную тетку поэта, приютившую его, сына «врага народа», репрессированного и погибшего балтийского матроса, которая и во сне продолжает страдать: «она косила, милая, косила, беспаспортная женщина Руси»; картины веков русского пространства, «кипящую светом тайгу», дальнего бесленского взора в слитности с буйной, зримой образностью естества людского: «и открылось мне око Вселенной».

Прозрения поэта рождаются в лучах восторга перед природным окружением, так же неотделимым от него, как и от читателя — зрителя редких достижимых поэтом зрелищных встреч со зверьём, птицами, рыбками, травами, лесными зарослями. Живность земная под пером поэта — уникальная анималистическая галерея: «На город, на это чудо, нахлынувшее на поля, он смотрит хищно и

чуждо. Лилово мерцает взгляд, — надо ли объяснять, что это волк, попавший в город. Удивительно свойство поэта — чувствовать, как всё сущее — с любовью, страхом, враждой — притягивается друг к другу таинственными нитями жизни.

Ився земля от края и до края, Светясь навстречу солнцами озёр, В себя Всем телом любящим Вбирает Напоенный всемирной мыслью взор.

Почти непосилен для читателя груз, объём впитанного душой всей пережитой поэтот жизни. «Всемирная мысль» — главнейшее художественное озарение творца слова. Это понято самим поэтом. С начала своей творческой работы он искал, обдумывал собственный способ её передачи. Ловил его с уст ровесников, собирав по перу. Редко в чьей литературной биографии случилось то, что совершил молодой петрозаводский журналист, выпускник Ленинградского университета, начинающий поэт. Прочитав стихотворение Владимира Фирсова «Не моими руками красивых ласкать...», Устинов порвал всё ранее написанное и — начал новый путь. Валентин Алексеевич вообще был и остаётся одним из самых образованных поэтов своего времени, глубоко постигшим малейшие тайны стихотворства. Учился и искал. Конечно, это было, прежде всего, самообразование. Глубокое погружение. На исторических постижениях, познании культуры надёжно крепятся еговольные открытия.

Валентин Устинов угадал и великолепно разработал собственный поэтический жанр, назвав его «короткая поэма». Каким-то чудом вместились в некое балладно-стихотворное пространство лирическое выражение грандиозных событий, природных явлений, истории дальней и ближней, живущей в пережитом и неизбывном, философии. Нащупав центр, кульминацию далеко раскинувшегося события, явил новую соразмерность поэтического чувства.

Так, из русского бытия выросли его блистательные поэмы «До исхода», «Чёрная Русь», «Окликание звёзд», «Звездочёт» и ещё немало число,

Эту книгу поэт Валентин Устинов — лирик, эпик, автор мистической прозы, летописец людских драм, подвигов, свершений — созидает всю свою творческую жизнь, преобразовав в личную судьбу, раскинувшуюся на бескрайние просторы Отечества. Приветствует родственной любовью каждый её край в узнаваемых и самобытно озарённых строках, как рыбацкую путину на Белом море, с её выстраданным опытом выживания и явившимся автору прозрению: «Одно спасенье — греться друг о друга, одно спасенье людям на земле!» И — громкий радостный пир горой, пир на весь мир — «Братина»

золотыми рыбками, золотыми слитками обогатившие отечественную — и мировую — поэзию.

И далее поэт пошёл вглубь, наращивая творческие мышцы.

Привзав на помощь тему любви, страсти:

И — погрузясь в колоколыца, Кутаясь в гром и грай, — Смотрились в смертное солнце Мы — сотворившие рай.

Входя в взрослые среди поля, из поля метельные храмы...

Силой духа проникая в космос: «...но я пролез — поверх, пониз и между. И лёг ничком — душой, тоской, надеждой послать во тьму последний свой оплот».

Собирая разрозненные по судьбе приметы собственной личности. Принимая к народным святыням...

Именно заветный взор земной мысли ведёт поэта по его творческому пути: «Лишь мерцает в вихрях снега Вифлеемская звезда». Этим взором он видит Московский Кремль:

Ступени храмов — лестница витая, И сколько нас — во славе и во тьме — Прошли по ней, идут и в звоне тают.

Но нет другого для Руси пути, Как нет возврата по спирали века. Звени, судьба. В сто сотен лет гуди, Вызывая в Боге человека.

Обращён взор поэта лирически и на себя. По мощи, земному богатству соразмерно вечно великим поэтам Руси.

Вот я иду — Вам видно ли вдали? Едва заметным серебристым бликом Поввыпуклой, безгранной и великой Коричневой поверхности земли. Я — сын Земли. Её и хмель И соль. Задумчив ли, тревожен или светел — Я всё равно живу меж согнен солнцем, Как эпицентр зелёных взрывов — вёсен.

Вокруг меня вращаются планеты Тяжёлых тькв и красных клеверов. Пронесётся прозрачные кометы Ручьёв, стрекот и дальних поездов, Мой мир надеждой и любовью светел.

И, конечно, рядом земное, родное, дивное, составляющее авторское «я»:

Мне люб глухарь, слетающий во мхи. Плеск пескаррей. Весёлый ветер вётел. И по-мужски тяжёлые стихи.

Выплеснуть поэтически грузное изобилие впечатлений, вековых уроков, философских открытий, постижений мудрости и тут же человеческой черствости, кровавой жестокости, предательств, и всё приемлющую жажду любви, одиноко, порой трагично, а порой в озорном, сверкающем ликованием счастья — словом, всё, что черпаем и черпаем в поэзии Валентина Устинова, открывая русскому миру самое сокровенное в авторе. Это его призвание и жизнедарящее богатство. Пусть даже представляющееся поверхностному восприятию духовно, как и литературно, требующим слишком напряжённой работы ума и сердца, отвлечения от всего житейского. Тем более захватывающе чтение стихов Валентина Устинова.

Что ж, не каждый вынесет такой напор бытия, чудом, вулканом излитый на самых разных, непохожих любителей поэзии. Слава Богу, у Устинова достаточно истинно влюблённых поклонников, в том числе принимающих

участие в издании его книг, оставляя ему время на то, чтобы преобразовать накопленное душой, привести к вдохновенному сотворению нового на сегодняшний день поэтического жанра. Им стало «Пятикнижие» — соборное единение коротких поэм, баллад, стихотворных извержений, включение вновь открытых стихотворных форм.

Как сказочное земное дерево, как яблоня, проросло «Пятикнижие», чтобы на новом космическом уровне подняться в неведомые мистические сферы. Завершились — сегодня! — ярким, доступным любому сознанию и ещё неосознанным до глубины шедевром поэмой «Песчаный свиток». В ней автором найдена космическая суть земного, его предназначение: что бы ни случилось, ни довелось испытать в независимости от нас события, человеку нужно поистине вселенское терпение. Дождаться прорастания из семечка яблони... Как говорил герою «Песчаного свитка» отец: «А семья что душа».

Яблоня проросла и сквозь всё творчество поэта, защитив Вселенную упрямим стволем его мощной поэзии — той, которой он неустанно, размахисто дивит читателя, под ветвями которой сплет Русь, захватывая её в космические объятья, бережно укрывая от опасных неведомых лучей и от земного зла. Насыщает верой в неизбежность рвущегося к жизни чуда.

Распутывая — зорко и упоенно — сплетения всего, что ни есть в жизни, поэт ясно проявил основные направления своих творческих устремлений: волшебство женской, природной власти в истории русского рода и нескончаемость человеческого пути. Здесь «Большак» поэта:

Бабуля! Эй! Всё шутки между нами.

Жаль, разгадать всей тайны — не суметь.

Но ты скажи мне с вешего порога:

Где путь до той любви —

Сквозь жизнь и смерть?.. —

«А сквозь огонь, милоч,

всего одна дорога...»

Невозможно одним взглядом окинуть образ поэта. Но можно и по одной строке опознать его, припад к вечно текущему национальному поэтической традиции.

Эдуард ВАЛЕНТИНОВ

Друзья, прекрасен наш союз!

Вышел в свет очередной выпуск (№ 2, 2013) журнала «Поэзия». Двадцать первый век от Рождества Христова»

Отрадно, что страницы журнала традиционно предоставляют не только маститым, но и молодым поэтам и писателям России, а так же авторам дальнего и ближнего зарубежья. Критерием отбора являются самобытность, талантливость и любовь к Отечеству. Так, в рубрике «Друзья, прекрасен наш союз!» нашли своё место молодые представители ногинского литературного «Лица» рядом с таким мастером слова, как Иван Перевозкин, которому в этом году исполнилось 60 лет. Поздравления юбиляру можно прочесть в рубрике «Посвящения».

В разделе «Концепция» представлены главы из новой книги замечательного поэта и писателя, ревноителя чистоты русского слова, вдумчивого критика и философа Станислава Куныева «Любовь, исполненная зла...»

Попытка автора разобраться в тайнах гибели Николая Рубцова привела его к новому прочтению и осмыслению поэзии «Серебряного века»

Однако внимательное прочтение наследия Ахматовой, Цветаевой, Ходасевича, раннего Маяковского, Георгия Иванова, Михаила Кузмина, Фёдора Сологуба, Валерия Брюсова и прочих идиологов русского декадентства привело автора к убеждению, что их творчество является в гораздо большей степени антипушкинским, чем это было принято считать критиками, публицистами, историками либерально-демократического склада в

эпоху «оттепели» и «перестройки». Именно в эти периоды в обществе воскресали и размножились бациллы и трихины растления, насилия воинствующего антихристианства, свойственные «Серебряному веку», талантливые чада которого жаждали всевозможных революций: политических, экономических, религиозных, сексуальных...

Станислав Куныев убедительно доказывает, что салонным кумиром начала века, увлекавшимся Оскаром Уайльдом, Ницше и «проклятыми» французскими поэтами, противостоял Чехов и Бунин, Иоанн Кронштадтский и Василий Розанов, Павел Флоренский и Фёдор Степун, Сергей Есенин и Александр Блок в минуты своих прозрений... Но им не дано было справиться с сатанизмом эпохи, о которой русский гений Георгий Свиридов писал перед смертью: «Искусство нашего века несёт большую ответственность за то, что оно настоятельно и талантливо проповедовало бездуховность, гедонизм, нравственный комфорт, кастовую интеллигентскую избранность, интеллектуальное наслаждение и ещё того хуже: упоённо воспевало и поэтизировало всякого вида зло, служа ему и получая от этого удовлетворение своему ненасытному честолюбию, видя в нём освежение, обновление мира. Всё это, несомненно, нанесло огромный вред человеческой душе».

В этой же рубрике Анатолий Герасименко, исследователь творчества М. Ю. Лермонтова, в статье «Мастер» говорит о Владимире Гусеве — известном русском писателе, поэте, авторе множества книг и статей, профессоре Литинститута, главном редакторе возрождённого им в 1990 году журнала «Московский вестник», основанного при участии

А.С. Пушкина в 1826-м. В рубрике «Антология» представлено творчество нескольких талантливых поэтов. Виктор Пеленягр — культовая фигура русского артергарда, основоположник и лидер литературного направления, получившего название куртуазный маниеризм. Автор скандальных поэтических мистификаций: от древнеримского поэта Лукана до Ивана Баркова. Самая знаменитая из них — «Эротические танки» средневекового японца Рубоко — разошлась баснословным для современной поэзии тиражом в 300 000 экземпляров, а затем неоднократно переиздавалась. Песни Виктора Пеленягра стали музыкальной основой многочисленных театральных представлений и кинофильмов.

Юрий Воронин, лауреат литературной премии имени Роберта Рождественского, профессиональный строитель, создаёт не менее ладные и добротные поэтические строения, как говорится, без сучка, без задоринки, без единого гвоздя, по примеру своих пращуров, возводивших на Руси жилища и храмы, как позволяли красота и мера.

Космизм в стихотворениях Валерия Баталеева, полковника ГРУ в отставке, его философско-мистическое видение мира, общества и человека естественно, как дыхание путника, уверенного в правильности выбранного пути. А лауреату международной премии имени Н. Гумилёва

Ивану Тертину есть дело до распятой лягушки на асфальте и тревожного мерцания далёких звёзд

Темы в стихотворениях Эдуарда Хандюкова, действительного члена Академии медико-технических наук, изобретателя, дизайнера, скульптора столь же разнообразны, как и его творческая биография.

Не случаен в рубрике «Антология» Сергей Газин. Напевность стихов, мужественные интонации и лаконизм — вот неполный перечень творческих достоинств полковника, награждённого орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени, лауреата московских областных литературных премий им. Ярослава Смелякова и Евгения Зубова.

«Мастер-класс» открывает эссе «Над злом и безумием» главного редактора журнала «Поэзия» Льва Коткоуца с последующим циклом его стихотворений, каждое из которых предварено эпиграфом собственного сочинения. Неиссякаем поток переводов стихотворений поэтов России, ближнего и дальнего зарубежья. В нынешней рубрике «Новые переводы» напечатаны произведения Вахтанга Абхазоу (в переводе Н. Переслосла), Евгения Рожкова (в переводе Ф. Зуева), Ивана Мигалкина (в переводе Е. Каминского).

Столь разные и одновременно близкие поэты, объединённые трепетным и бережным отношением к слову, постоянные авторы журнала представлены в рубрике «Русь Православная»: поэт и драматург Владимир Фёдоров, талантливый художник-график, дизайнер и архитектор Валерий Завьялов, чьё творчество наполнено светом сердца щедрого, любящего и благодарного.

Только через призму любви высвечиваются далёкие потаённые символы и памятные события. В рубрике «Память живая» — воспоминание о первой любви Татьяны Захаровой в эссе «Память о печали или Воспоминания о Сергее Параджанове».

Поэт Владимир Лория в рубрике «Старые тетради» щедро и искренно делится с читателем своим талантливыми стихами, написанными в разные годы.

В рубрике «Русь пьющая» представлен Ярослав Кауров, один из создателей «Театра поэтов», член международного и российского Литературных фондов, доктор медицинских наук.

Его стихи — диагнозы, но не приговоры, — сказывается рука эскулапа, дававшего клятву Гиппократу

Лирика, сарказм, ирония лауреата конкурса «Каверинские чтения в Украине», ростовчанина Владимира Ляха достойно дополнили питейную рубрику.

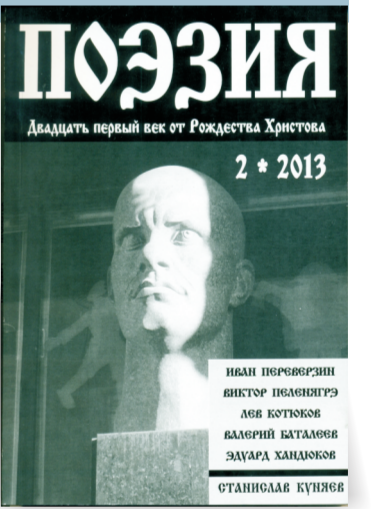
Краткость не всегда сестра таланта, а порой графоманская падчерица или, того хуже, тёща

У поэта Алексея Данова, представленного в двух рубриках: «Русь пьющая» и «Убийный отдел» своими остроумными, точными и краткими стихами, как раз тот случай, когда роднее этой сестры и не бывает.

Рубрика «Русь неистребимая» объединила самобытных глубоких поэтов, постоянных авторов журнала, таких как Сергей Соколовский, способный в двух строках панорамно раскрыть любую тему, Николай Цветоватый, Николай Рабочий.

Формат журнала «Поэзия» ограничивает изобразительную его часть, но, тем не менее, рубрика «Детская площадка» даже без графического сопровождения стихов делает журнал полезным и познавательным для семейного чтения. А стихи Игоря Витюка и Александра Чуманского искромётны, умны, добры, легки для восприятия и запоминания.

Разумеется, деление на рубрики условно, ибо не только стихи в разделе «Песнь любви» отвечают названию, но и всё наполнение журнала пронизано светом и мелодиями этого высокого чувства. Но не каждому поэту удаётся

пропеть миру свою любовную песню сильным и чистым голосом. Сама тема исповедь поднимает градус таланта и самоотдачи. Участие в этой рубрике, конечно же, — творческая удача, и мы счастливы за Анатолия Аврутина, Ольгу Голованову, Вячеслава Постникова, Ирину Бельху, Татьяну Прудко-влад, Сергея Крюкова.

Литературным объединением «Мастера краткости» в соответствующей рубрике представлены итоги конкурсов, организованных Московской областной писательской организацией, сайтом haiku-konkurs.ru и журналом «Поэзия». Работу в этом направлении третий год успешно проводит Игорь Шевченко, привлекая к участию в конкурсах поэтов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Не менее насыщены и интересны рубрики «Времена года», «Дорожная тетрадь», «Русь поющая», «Поэты нашего века», «Убийный отдел», «Наградной отдел», «Наша почта», которые вместе с вышеречисленными отображают современный литературный процесс в разных ипостасях и ракурсах.

Словно из почти вековой тьмы, с обложки журнала зорко всматривается Владимир Маяковский гранитными глазами в наше сегодня, чуток вслушивается в пронзительный скрип и хруст осколков голубых зеркал «Серебряного века» и будто вопрошает: «Жива ли поэзия в России?» И мы ему отвечаем: жива матушка, жива родимая! И, судя по сказанному выше, пребывает в завидном здравии. Как не устает повторять Лев Коткоуц: «Нет и никогда не будет для русских поэтов времён последних, ибо в наших поэтических строках бьётся и светится вечное».